

УДК 321

Василенко И.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4,
Российская Федерация*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности русской революции 1917 г. как отражение кризиса русской культуры. Автор считает, что духовные и культурные причины, которые привели в России к революции 1917 г. были уникальными и чисто русскими, и именно они, в конечном счёте, спровоцировали революцию. Русская революция стала возможна только потому, что из повседневной жизни людей ушли традиционные устои, их расшатал нигилизм, который захватил вначале интеллигенцию, а потом и весь народ. В статье обосновывается вывод о том, что трагический опыт русской революции 1917 г. показал необходимость глубокого осознания всеми политическими, общественными и культурными силами страны уроков этих исторических событий. И главный из этих уроков в том, чтобы бережно хранить национальную историческую память, ценить духовную культуру народа, укреплять нравственные основы жизни общества, не допуская духовных расколов и катастроф.

Ключевые слова: русская революция, историческая память, духовная культура, духовный раскол, нравственные устои общества.

I. Vasilenko

*Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow 119192, Russian Federation*

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AS A CULTURAL PHENOMENON

Abstract. The article discusses the main features of the Russian revolution of 1917 as a reflection of the crisis of the Russian culture. The author believes that the spiritual and cultural causes that led Russia into the revolution of 1917 were unique and purely Russian, and they, in the final analysis, provoked the revolution. The Russian revolution became possible only because the everyday life of people lacked traditional life foundations, as they had been shattered by nihilism. Nihilistic outlook first captured the intelligentsia and then the whole nation. The article substantiates the conclusion that the tragic experience of the Russian revolution of 1917 has shown it is necessary to make all political, social and cultural forces of the country be aware of the lessons of those historic events. And the most important of those lessons is: to cherish national

historical memory, to value the spiritual culture of the people, to strengthen the moral foundations of the society without allowing religious schisms and disasters.

Key words: Russian revolution, historical memory, spiritual culture, spiritual split, moral foundations of society.

Столетие русской революции 1917 г. вновь оживило острые политические дискуссии о её причинах и следствиях, роли и значении в мировой и российской истории. Конечно, было бы наивно утверждать, что именно с революции 1917 г. начались все беды России в XX столетии. Историки написали тома об объективных причинах русской революции, разложили «по полочкам» накопившиеся социально-экономические противоречия в русской жизни начала XX в., привели все факты, свидетельствующие о росте социального напряжения, о расслоении общества и социальном неравенстве, об экономических и внешнеполитических предпосылках и пр. Но все эти тщательно перечисленные объективные условия свидетельствуют только о поверхностных внешних причинах революции. Если мы внимательно рассмотрим социально-политическую жизнь европейских стран начала XX в., мы увидим там практически аналогичную картину: те же социально-экономические противоречия, тот же рост социального напряжения, то же расслоение общества и социальное неравенство...

Однако, духовные и культурные причины, которые привели в России к революции 1917 г. были уникальными и чисто русскими. И именно они, в конечном счете, спровоцировали русский бунт «бессмысленный и беспощадный». Как справедливо отметил Н.Бердяев, «смысл революции есть внутренний апокалипсис истории и культуры...И на русской революции, быть может больше, чем на всякой другой, лежит ответ Апокалипсиса» [2, с. 107–109].

Революция 1917 г. имела онтологический смысл, и этот смысл был проникнут глубоким пессимизмом. Он был направлен против тех, кто думает, что общество может бесконечно существовать мирно и спокойно, даже если в нём накопилось много зла... Бердяев сформулировал главное онтологическое и культурное противоречие революции: в революции происходит суд над злыми силами, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории [2, с. 108].

Революция как коренной слом традиционного уклада жизни и культурной традиции стала возможна только потому, что из повседневной жизни людей ушли традиционные устои, их расшатал нигилизм, который захватил вначале интеллигенцию, а потом и народ. Несмотря на успехи науки и промышленности, хозяйственный подъём России в начале XX в., эти

внешние достижения скрывали глубокий духовный и культурный кризис русского общества: распад духовной и нравственной традиции.

О симптомах этого духовного кризиса в конце XIX в. – начале XX в. писали великие русские философы и писатели того времени: С. Франк, Н. Бердяев, И. Ильин, С. Булгаков, Л. Толстой, Ф. Достоевский. Современники русской революции, они хорошо видели, как накануне, в среде русской интеллигенции произошёл глубокий нравственный надлом: она колебалась между невольной и нарочитой слепотой. Одни упивались просветительским скептицизмом, другие – богоненавистничеством, третьи принимали эту духовную пустоту за руководящую идею и планировали революцию. Как отмечал И. Ильин, русская революция начинается с неверия, и заканчивается преступностью и хаосом [6, с. 405].

К сожалению, русской интеллигенции в революции 1917 г. принадлежала трагическая роль той разрушительной культурной силы, которая в борьбе с догматизмом старых основ отвергла и реальные основы истории, заменив их отвлечённой пустотой начал безгосударственности, безрелигиозности и интернационализма [7, с. 280]. И эти нигилистические, анархические и богоборческие настроения постепенно проникают в гущу народных масс, становятся общественными настроениями, а потом, в условиях революции, – реальной движущей силой истории.

Ф. Достоевский в своих «Дневниках писателя» очень ярко описывал общий духовный кризис предреволюционного общества: «Что-то носится в воздухе полное материализма и скептицизма; началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно, убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана» [4, с. 132]. Наверное, наиболее образно и глубоко он раскрыл этот духовный надрыв русской интеллигенции накануне революции в своем пророческом романе «Бесы». На примере героев романа мы видим, как принцип вседозволенности («Если Бога нет, значит всё позволено!»), который исповедовало революционное подполье в России, ведёт к полной аморальности и беспринципности в политике. Революционер Пётр Верховенский становится в романе ярким выразителем хаоса и разрушения: «...Мы сначала пустим смуту... Мы проникнем в самый народ... Мы пустим пьянство, сплетни, доносы; мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения потушим в младенчестве... Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Ну-с, и начнётся смута! Раскачка такая пойдёт, какой ещё мир не видал. Затуманится Русь...».

Действительно, в процессе русской революции совершается огромный социальный и культурный переворот: она низвергает господствующие классы и поднимает народные слои, раньше угнетённые и униженные. С

одной стороны, в русском народе обнаружилась огромная витальная сила, но при этом естественно произошло понижение уровня культуры, ибо высокая культура всегда создается путем длительного отбора. Как горько подчеркнул Н. Бердяев, «большевики пришли к господству в революции уродливо, с уродливым выражением лица, с уродливыми жестами. Это определилось не только тем, что они не принадлежали к тому слою, в котором работалась культурная форма и манеры, более соответствующие понятию о прекрасном, но и тем, что у них было много ненависти, мстительности, *ressentiment*, которые всегда уродливы, у них не было ещё никакого стиля, не произошло ещё оформления. В революциях всегда есть уродливая сторона» [2, с. 112].

К сожалению, стиль русского коммунизма и русской революции во многом определился в условиях жестокости и ненависти первой мировой войны. Эта война впервые в человеческой истории породила неслыханные массовые жертвы и страдание, невиданное прежде море крови и слез, благодаря использованию новых средств вооружения. Человеческая жизнь страшно обесценилась, и эта незащищённость личности перед лицом грубой силы была свидетельством невиданной прежде дегуманизации культуры.

Русские по характеру своему склонны к максимализму, и максималистский характер русской революции – её яркая черта. Именно атмосфера войны создала в русской революции особый тип победоносного большевизма и переродила тип и культуру русской интеллигенции. Методы и стиль войны во многом были перенесены внутрь страны. Как отмечали современники, появился новый культурный тип милитаризованного молодого человека, который имел образ завоевателя, не стеснялся в средствах и всегда был готов к насилию, был одержим волей к власти и могуществу [2, с. 113]. Именно этот тип большевика-завоевателя был готов совершить и совершил революцию: ведь революции не совершаются мечтательными интеллигентами.

Во время первой мировой войны Россия столкнулась со всеми ужасами, сопутствующими поражению разлагающейся многомиллионной армии. В условиях всеобщего хаоса и анархии, пришедшее к власти после февральского переворота либерально-демократическое правительство начинает провозглашать отвлечённые гуманные принципы, которые не понимали и не могли понять революционные народные массы. Либерал А.Ф. Керенский с его гуманными принципами совсем не подходил для революционной эпохи. Временное правительство стремилось «из благородного чувства» продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта.

Основная причина падения Временного правительства и государственного разгрома была в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы русского человека, ни движущих им мотивов. Перед революцией интеллигенция пользовалась народом как орудием борьбы с самодержавием. Но когда в условиях войны русская монархия рухнула, интеллигенция вынуждена была немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. И здесь её постиг настоящий удар: «Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа. В роли критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. Нет высшего авторитета. На критику жизни нет апелляции. Большевики и их господство и воплотили в себе всю эту критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими» [5, с. 41].

Оказалось, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. И проект этой диктатуры был подготовлен и предложен большевиками во главе с В. Лениным. В условиях деморализации армии, всеобщего хаоса и анархии только большевики оказались способными справиться с ситуацией, взять её под контроль и повести за собой народ. Ленин воспользовался бессилием либерально-демократической власти, непониманием и неприятием её культурной и политической символики со стороны взбунтовавшегося народа. Его действия как стратега и тактика революции оказались грамотными: увидев откровенное нежелание солдат продолжать войну, он предложил им мир; осознав всю вековую глубину стремления крестьян к земле, он передал им землю. За ним пошли массы и он, вместо культуры никому непонятной в России демократии, воспользовавшись русскими традициями векового монархического правления, предложил большевистскую диктатуру, гораздо более похожую на монархию.

В условиях культурного разложения общества, всеобщего попираания традиций, большевики начали культивировать стиль диктатуры и насилия. Они воспользовались вечным стремлением русской души к исканию правды, справедливости и царства Божьего на земле, предложив идею коммунизма как новое царство всеобщего равенства и справедливости. В условиях Первой мировой войны, жестокость новой диктатуры не показалась народу чрезмерной: он никогда не знал свободы и не стремился за неё бороться. Архетип перехода в русской культуре от одной целостной веры

к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь, оказался чрезвычайно сильным.

Как отмечал Н. Бердяев, Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства, к новому средневековью: «Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству» [2, с. 216].

Так, русская культура воспринимает и преобразует марксизм в духе своих традиций. Но это было неслыханное падение великой русской культурной традиции, отброшенной назад, в новое средневековье, с культом беспрецедентной жестокости и насилия. Современник русской революции философ С. Франк горько заметил: «Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни; и на ум приходят в качестве единственно подходящих примеров грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств. И ужас этого зрелища усугубляется ещё тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно, в диком, слепом восторге самоуничтожения, привит и всосан народным организмом» [8, с. 121].

Но, с другой стороны, этот кризис культуры, обнаруживший все язвы и надрывы русского общества, парадоксальным образом тем самым в исторической перспективе послужит и добру. Тяжело «переболев» революцией, общество и культура способны освободиться от своих надрывов и язв. В этом проявляется двойственный характер русской революции: с одной стороны, она наиболее полно обнажает зло, с другой стороны, косвенно указывает обществу путь освобождения от него. Другими словами, в революциях культура способна очищаться и просветляться. Как пророчески писал С. Аскольдов, взрывы злых сил в процессе революции являются провозвестниками новых духовных подъёмов и, быть может, даже преображений [1, с. 12].

Однако, потребовалось целое столетие, чтобы наше общество и наша культура снова сумели восстановить, возвысить величайшие традиции гуманизма, которые на протяжении многих веков культивировались в русской философии, литературе и искусстве. Потребовалось целое столетие, чтобы традиционные гуманные ценности русской культуры вновь оказа-

лись востребованными народом и властью в России. Мы, наконец, начали восстанавливать нашу историческую память, вспоминать подвиги наших героических предков, ценить соборность, единство и согласие в обществе.

От лица духовной власти в современной России, Патриарх Кирилл справедливо назвал русскую революцию «трагедией русского народа», вспоминая о нападках и репрессиях, которым подверглись верующие в России, о гонениях на Русскую Церковь, о разрушении храмов, о глумлении над святынями, об убийстве множества людей и заключении их на длительные сроки в тюрьмы и концентрационные лагеря [3]. Однако главная трагедия России в революции 1917 г. заключалась в том, что, одурманенный сомнительными популистскими идеями, русский народ позволил оболгать национальную историческую память, надругаться над своей традицией, веками создававшейся усилиями предков, позволил разделить себя на враждующие лагеря и поставить политические и социальные различия выше национального единства и культурной общности.

Необычайно актуально сегодня звучат слова П. Новгородцева: «Каждый народ, образовавший из себя духовное целое, имеющий свою историю, свою культуру, своё призвание, носит в себе живую силу, которая сплавляет воедино его отдельных членов, которая из этих атомов, из этой пыли людской делает живой организм и вдыхает в него единую душу. Это – та великая сила духовного сцепления, которая образуется около святынь народных; это – сила того Божьего дела, которое осуществляет в своей истории народ ... Лишь целительная сила, исходящая из святынь народной жизни и народной культуры, может снова сплотить воедино рассыпавшиеся части русской земли. Вот то общее дело, в котором интеллигенции и народу надлежит быть вместе и в котором самое противопоставление интеллигенции и народа должно исчезнуть или по крайней мере утратить свою остроту» [7, с. 281].

Несомненно, трагический опыт русской революции 1917 г. показал необходимость глубокого осознания всеми политическими, общественными и культурными силами страны уроков этих исторических событий. И главный из этих исторических и социокультурных уроков в том, чтобы бережно хранить национальную историческую память, ценить высокую духовную культуру народа, укреплять нравственные основы жизни общества, не допуская духовных расколов и катастроф.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // «Из глубины» : сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. 298 с. С. 20–54.

2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизводство издания 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html> (дата обращения: 20.03.2017).
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 880 с.
5. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // «Из глубины»: сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского ун-та, 1990. С. 151–173.
6. Ильин И.А. Николай Ставрогин (Достоевский. «Бесы») // Ильин И. Собрание сочинений в 10 т. Т.6. М., 1997. 560 с.
7. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // «Из глубины»: сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 204–220.
8. Франк С.Л. De Profundis // «Из глубины»: сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 251–269.

REFERENCES:

1. Askoldov S.A. [The religious meaning of the Russian revolution]. In: *«Iz glubiny»: sbornik statei o russkoi revolyutsii* [“From the depths”: a collection of articles on the Russian revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1990, pp. 20–54.
2. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma. Reprintnoe vosproizvodstvo izdaniya 1955 g.* [The origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the edition of 1955]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.
3. *Doklad Svyateishogo Patriarkha Kirilla na otkrytii XXV Mezhdunarodnykh Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chtenii* [The report of his Holiness Patriarch Kirill at the opening of the XXV International Christmas educational readings]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html> (accessed: 20.03.2017)
4. Dostoevskii F.M. *Dnevnik pisatelya* [Diary of a writer]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2012. 880 p.
5. Izgoev A.S. Sotsializm, kul'tura i bol'shevizm [Socialism, culture and the Bolshevism]. In: *«Iz glubiny»: sbornik statei o russkoi revolyutsii* [“From the depths”: a collection of articles on the Russian revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1990, pp. 151–173.
6. Il'in I.A. [Nikolai Stavrogin (Dostoyevsky. “Demons”)]. In: Il'in I. *Sobranie sochinenii v 10 t. T. 6* [Collected works in 10 vol. Vol. 6]. Moscow, 1997. 560 p.
7. Novgorodtsev P.I. O putyakh i zadachakh russkoi intelligentsii [On the ways and tasks of the Russian intelligentsia]. In: *«Iz glubiny»: sbornik statei o russkoi revolyutsii* [“From the depths”: a collection of articles on the Russian revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1990, pp. 204–220.
8. Frank S.L. De Profundis [De Profundis]. In: *«Iz glubiny»: sbornik statei o russkoi revolyutsii* [“From the depths”: a collection of articles on the Russian revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1990, pp. 251–269.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Василенко Ирина Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vasilenko.irina@mail.ru

Irina A. Vasilenko – Doctor in Political sciences, professor at the Department of Russian policy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: vasilenko.irina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Василенко И.А. Русская революция 1917 года как культурный феномен // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Vasilenko I.A. The Russian revolution of 1917 as a cultural phenomenon. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru